

СЕКЦИЯ 5

«КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО Мухамеджанова Н.М., доктор культурологии, доцент	587
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ Орлова Е.В., кандидат философских наук.....	594

ГОРОД КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

**Мухамеджанова Н.М., доктор культурологии, доцент
Оренбургский государственный университет**

В современной урбанистике до сегодняшнего дня не сложилось единой и общепризнанной концепции города, его четкого и однозначного определения. Какова сущность города, его смысл и миссия в мировой истории? Что является главным признаком города, отличающим его от других человеческих поселений? Какой из признаков может быть положен в основание типологии городов? Ученые-урбанисты предлагают разные подходы к определению города, к трактовке его ключевых характеристик, к выделению оснований типологии городов и др. [11, с. 22-26]. Например, в концепции, предложенной известным российским урбанистом В. Л. Глазычевым, главным признаком, отличающим город от «негорода», является наличие единого самоорганизующегося сообщества, выступающего в качестве активного субъекта социально-культурной политики города [3], то есть наличие единого городского сообщества. Рассмотрим этот аспект, который, безусловно, является одним из самых значимых при определении сущности города.

Город – это не просто точка на карте, обозначающая территориальное поселение, а сообщество людей, проживающих в данном поселении. Именно наличие такого сообщества превращает город-*urbs* в город-*civitas*. В древнегреческом городе-полисе таким общественным пространством была агора («место собрания») – прародительница демократического общества и всей западноевропейской цивилизации. Агора была местом торговли и одновременно центром общения и дискуссии, средоточием политической жизни полиса. На агоре могло собираться до 6 тысяч жителей города – свободных граждан, принимающих важные, ответственные решения, от которых зависела судьба каждого горожанина и всего города [13, с. 61].

В Древнем Риме таким центром общественной, политической и культурной жизни города стал форум – рыночная площадь, которая, по сути, выполняла те же социальные функции, что и древнегреческая агора. По мнению Г. С. Кнабе, наиболее значимой чертой образа жизни жителей Рима была публичность повседневного существования человека, который воспринимал себя прежде всего как гражданина «вечного города» [8].

В средневековом городе таким местом общественной жизни стали рынок, ярмарка, где люди могли собраться вместе и обсудить последние новости. На протяжении многих веков существования города таким центром общественной жизни была и улица, где люди гуляли, отдыхали, общались, торговали. Улица и двор в городе выполняли важные социальные функции: функции коммуникации, социализации подрастающего поколения, социального контроля, обеспечения безопасности и др.

Однако век мировой истории между 1848 и 1945 годами, названный эпохой «городской революции», внёс кардинальные изменения в жизнь города,

связанные с головокружительным ростом городского населения и городов, превращением их в огромные городские агломерации, развитием транспорта и т. п. Город перестает быть обществом, объединяющим людей [13, с. 279]. Во-первых, потому что численность современных городов такова, что в них невозможно представить какие-либо крупные человеческие объединения. Город включает в себя огромное количество самых разнообразных этнических, социальных, конфессиональных, профессиональных и иных групп, разных по своему мировоззрению, образу жизни, ценностям и установкам. Во-вторых, меняется сама городская среда в результате массовой автомобилизации населения и увеличения габаритов зданий, дворовых пространств, дорог. Улицы превращаются в дороги, площади – в парковки, рынки и ярмарки – в торговые центры. Кардинально изменяются масштабность и пропорции не только городских зданий, но всего города.

В древних городах как руководство к сооружению не только зданий, но и целых городов использовались эталонные образы тела. Так, древнеримский теоретик архитектуры Витрувий в известном своем сочинении «Десять книг об архитектуре» доказывал, что масштаб и пропорции здания должны основываться на масштабе и пропорциях человеческого тела. Ориентация на этот идеал определяла не только строительство зданий, соразмерных человеку, но и внешний вид целых городов [2, с. 70].

Как пишут известные российские урбанисты А. Э. Гутнов и В. Л. Глазычев, классическим масштабом европейского города на протяжении столетий был «масштаб сцены» человеческого поведения, на которой не терялся отдельный человек. Еще в середине XIX века ширина улицы не превышала 30 метров, и при нормальном зрении человек, находящийся на одной стороне улицы, мог без труда опознать черты лица человека, идущего по другой стороне улицы, и даже его жестикуляцию и выражение лица. Длина «идеальной» улицы не должна была превышать ее ширину более чем в 12-15 раз, а площадь по своей ширине не могла превышать высоту окружающих построек более чем в 5-6 раз. Таким образом, в старых городах все было сомасштабно человеку, масштабу улицы и пешеходной площади. Такие классические характеристики городской среды, соразмерные индивидуальному человеку, являются и сегодня наиболее привлекательными для восприятия [6, с. 273-274].

Но с середины XIX века происходит драматический слом в самой практике градостроительства в результате массовой автомобилизации и увеличения габаритов городских зданий. С целью обеспечения движения транспортных потоков увеличивается ширина улиц, две стороны которых оказываются слишком оторваны друг от друга. Все это приводит к появлению огромных открытых пространств, «степей» внутри самого города. В массовой многоэтажной застройке исчезает и двор – интимное, соразмерное человеку пространство, вместо которого возникает огромное междомовое пространство, способное вместить в себя афинский Акрополь со всеми его храмами и театрами [6, с. 276]. Если прежде дорога вела до города, а дойдя до ворот

города, превращалась в улицу, то теперь улица в городе превращается в дорогу, а иногда в шоссе, забитое плотным транспортным потоком. Таким образом, происходит оскудение городской среды, в которой не остается места для общественного пространства. «Слишком большое открытое пространство или многоэтажная застройка превращает общественное пространство в транзитное» [1, с. 49], а сами города перестают отличаться друг от друга, подчиняясь складывающейся во всем мире глобальной форме архитектуры. «Дух места» становится пережитком прошлого, анахронизмом. «Город теперь – это перевалочный пункт, а не законченный образчик нашего частного мироздания» [4, с. 221].

Если сравнивать город с живым организмом (как это делает, например, философ-урбанист Г. Ревзин), то транспорт в нем – это «система внутренних органов города, нечто вроде городской перистальтики. Только город – это организм, который выкладывает свои кишки наружу, на самые видные места – на улицы, площади, проспекты» [11, с. 178]. Эти органы поглощают все ресурсы организма, загрязняя городскую среду отходами своей жизнедеятельности и создавая серьезные проблемы для самого организма. За последние полтора десятилетия транспорт превратился в тирана и узурпатора городского пространства, подчинившего весь город и горожан своим требованиям [6, с. 172].

Таким образом, в современном городе не остается мест для общественных пространств, для существования городского сообщества. А значит, если следовать типологии городов, предложенной В. Л. Глазычевым, в современном мире не остается городов, так как в них нет главного признака городского поселения – сообщества жителей, «связанных фактом своего совместного бытия» [3] и выступающих как активный субъект всей общественной жизни города.

Стремление защитить себя от негативных проявлений городской жизни стимулирует процесс активной субурбанизации во всем мире. Однако данная тенденция развития городов сегодня вызывает у урбанистов серьезную озабоченность и критику по самым разным причинам. Во-первых, это «автомобильная зависимость» жителей пригородов и невозможность развития в них общественного транспорта из-за низкой плотности населения и, как следствие, его нерентабельности. Во-вторых, это значительные финансовые затраты на поддержание огромной сети инфраструктуры, в частности дорог, в сравнении с традиционными городами. В-третьих, это потребление массы ресурсов (земли, бензина, электроэнергии и пр.) для поддержания домов и ландшафтной архитектуры. Так, в США общество ежегодно теряет за счет поездок из пригородов и обратно 107 миллиардов долларов [1, с. 43]. Таким образом, пригородный образ жизни обходится слишком дорого не только для его обитателей, но и для самого государства.

Можно назвать и другие недостатки такого типа жилья, в частности, геттоизацию и сегрегацию населения городов, деградацию и пауперизацию городских центров, оторванность пригородов от инфраструктуры бизнеса,

культуры, досуга и т. п. [10], отмечаемые разными авторами. Таким образом, единственным преимуществом пригородного образа жизни оказывается только близость к природе и возможность создавать свою среду обитания в соответствии с собственными предпочтениями и вкусами. Однако и это преимущество пригорода является не более чем иллюзией, так как здесь «самой природы не оказывается и в помине – пригород "вытаптывает" ее сплошной малоэтажной застройкой не меньше, чем многоэтажные кварталы традиционных городских районов. Палисадник, клочок газона, кустарник, одинокое дерево – вот, пожалуй, и все, доступные пригороду суррогаты природы, которые не столько заменяют, сколько подчеркивают ее отсутствие» [6, с. 94].

Осознание всех недостатков этого «антиурбанистического бунта» приводит к тому, что одной из тенденций современной урбанизации становится джентрификация, а именно - переселение наиболее состоятельной части городского населения в центральные районы города. Как отмечают М. Лайдон и Э. Гарсия, это движение сегодня наиболее характерно для поколения миллениалов, к которому относятся люди старше 18 и младше 35 лет (называемые поколением Y), а также для послевоенного поколения беби-бумеров. Обе эти группы отличает то, что они являются приверженцами пешего движения, велосипедов и общественного транспорта; они стремятся жить в центре города с его развитой инфраструктурой культуры, досуга, бизнеса; у них отсутствует интерес к автомобилям и пригородам; собственному автомобилю они предпочитают каршеринг [9, с. 118]. Именно в группе от 18 до 32 лет количество автомобилей с 1980 года сократилось на треть [9, с. 104]. Это движение сопровождается возрождением центральных районов города, реконструкцией и обновлением старых построек, представляющих культурно-историческую ценность.

Стремление вернуть городу общественное пространство приводит к появлению в урбанистике таких направлений, как новый урбанизм, тактический урбанизм, а также различные проекты «городов будущего», «городов мечты», лишенных негативных сторон города настоящего [5]. Так, новый урбанизм – это направление, зародившееся в 1980-е годы как реакция на непрерывно расплзающиеся пригороды и ратующее за возвращение к городскому сообществу, которое господствовало в городах до триумфа автомобилизации. Идейной основой данного направления градостроительства стало «признание необходимости вернуться к тому, без чего нельзя построить город: к сопоставимому с пешеходом масштабу; к тесной связи между теми местами, где горожанин живет, делает покупки и, желательно, работает; к архитектуре, которая подчеркивает дух места, а не отрицает его» [4, с. 227].

Другое направление в современной урбанистике – тактический урбанизм, который активно развивается в американских и европейских городах, – это теория малых дел в сфере развития городов, которые оказываются более эффективными, чем проекты масштабных изменений [9]. Все акции тактического урбанизма направлены на создание свободных от автомобилей

временных и стационарных общественных пространств, в которых люди могли бы общаться, отдыхать, делать покупки. Результатами совместной деятельности горожан-активистов, волонтеров и руководства города становятся не только благоустройство и повышение привлекательности городских кварталов, но и рост толерантности в обществе, снижение преступности и детской смертности, повышение общественной активности граждан, укрепление соседских связей и др.

Основой всех этих направлений является стремление вернуть общественное пространство людям – жителям города, а толчком для развития – идеи, высказанные Джейн Джейкобс в ее теперь уже всемирно известной книге «Смерть и жизнь больших американских городов», написанной в 1960 году [7]. В данной книге автор попыталась открыть некие универсальные правила самоорганизации городов и городских кварталов, обеспечивающие их яркое разнообразие, делающие их удобными, привлекательными для жизни локального сообщества и учитывающие интересы детей и стариков, матерей с детьми и других групп населения. По мнению У. Грэхема, эти правила напоминают об особенностях «образования коралловых рифов – огромных, сложных структур с поразительным разнообразием жизни» [5, с. 169]. Под влиянием идей Джейн Джейкобс в разных городах мира возникает движение за создание городской среды, учитывающей интересы горожан – движение, которое получило сильную поддержку со стороны педагогов, психологов, врачей, экологов и подготовило неотвратимый перелом в самой стратегии градостроительства.

Как считает Р. Сеннет, в основе книги Дж. Джейкобс – идея «современной агоры» [13, с. 436], но, по мнению мыслителя, «современная агора» является чисто визуальным феноменом [13, с. 440], поскольку она не создает единого сообщества в городе, где бы существовало гармоничное соседство многочисленных этнических и конфессиональных групп, разных рас. Значимым фактором деградации общественных пространств современных городов, с точки зрения Р. Сеннета, является утверждение индивидуализма в современной культуре, культ самодостаточности и автономности личности, ее желание отгородиться от мира и отказаться от общественной жизни. Поэтому главная проблема современного города – это этическая проблема: «как вызвать симпатию к Другим?» [13, с. 436], как сделать человека чутким к чужой боли и к чужим страданиям, как преодолеть то «бесчувственное равнодушие», обособленность и замкнутость горожанина, о которой писали Г. Зиммель и Л. Вирт, найти нечто, объединяющее людей, какими бы разными они ни были? «Что же нам делать в эпоху, когда все силы направлены на выталкивание людей из городов – на разделение, а не на сплочение?» [4, с. 228] – задает вопрос П. Голдбергер. Однако на этот вопрос ни один из мыслителей не дает однозначного, сколь-нибудь оптимистического ответа.

Ответ на этот вопрос еще в 1961 году попытался дать известный американский философ, социолог, урбанист Льюис Мамфорд. В своей книге «Город в истории» он писал: «...Величайшая задача города состоит в том...

чтобы позволять или даже поощрять и вызывать максимально возможное количество встреч, взаимодействий и конфликтов между всеми людьми, классами и группами, обеспечивая, по сути, сцену, на которой может развиваться драма общественной жизни, где актеры и зрители меняются местами» [цит. по: 4, с. 228]. Иначе говоря, роль города состоит в том, чтобы быть для людей, живущих в нем, общим местом, общей почвой, создавать у них общую память, свод общих воспоминаний, переживаний и надежд.

Таким образом, город должен стать местом активной коммуникации, способствующей выработке надгрупповых, универсальных норм жизнедеятельности и, как следствие, формированию городского сообщества. И значительную роль в этом играет продуманная и спланированная в интересах человека городская среда, в том числе архитектура, формирующая дух места, чувство привязанности и любви горожан к своему городу, сопричастности к его судьбе, являющиеся основой жизнеспособности любого городского организма.

Список литературы

1. Варламов, И. 100 советов мэру / Илья Варламов, Максим Кац. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 464 с.
2. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Витрувий; пер. с лат. Ф. А. Петровского. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с. – (Азбука-Аттикус. Non-Fiction).
3. Глазычев, В. Л. Город России на пороге урбанизации. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1995_gorod_Rossii_na_poroge_urban.htm (дата обращения: 14.03.2022).
4. Голдбергер, П. Зачем нужна архитектура / Пол Голдбергер; пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2017. – 264 с.
5. Грэхем, У. Dream Cities: 7 урбанистических идей, которые сформировали мир / Уэйд Грэхем; пер. с англ. Т. О. Новиковой. – М.: Эксмо, 2018. – 288 с.
6. Гутнов, А. Э. Мир архитектуры: Лицо города / А. Э. Гутнов, В. Л. Глазычев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 350 с. – (Эврика).
7. Джекобс, Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Джейн Джекобс; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2019. – 512 с. – (Библиотека свободы).
8. Кнабе, Г. С. Древний Рим – история и повседневность / Г. С. Кнабе. – М.: Искусство, 1986. – 206 с. – (Эпоха. Быт. Костюм).
9. Лайдон, М. Тактический урбанизм: Краткосрочные действия – долгосрочные перемены / М. Лайдон, Э. Гарсиа; пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2019. – 304 с.
10. Мухамеджанова, Н. М. «Социальная ткань» города в зеркале архитектуры / Н. М. Мухамеджанова // Урбанистика. – 2021. – №4. – С. 81-90. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36510 (дата обращения: 21.03.2022).

11. Пирогов, С. В. Социология города: учебное пособие / С. В. Пирогов. – М.: Изд. дом «Новый учебник», 2004. – 208 с.
12. Ревзин, Г. Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики / Г. Ревзин. – М.: Strelka Press, 2019. – 270 с.
13. Сеннет, Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации / Р. Сеннет; пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2016. – 504 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

**Орлова Е.В., кандидат философских наук
Оренбургский государственный университет**

Проблематика территориальной идентичности давно и прочно вошла в междисциплинарный научный дискурс. При этом исследования разных типов идентичности территории сосредоточены в основном в рамках зарубежных направлений. Отечественная наука в силу социокультурной специфики российских реалий (территориальное деление, этноконфессиональный состав) долгое время отдавала предпочтение исследованию национальной или этнической идентичности. Более локальные типы идентичности (региональная, городская, местная и т. д.) вошли в сферу исследовательских интересов отечественных ученых относительно недавно. Так, А. Шишигин, к примеру, отмечает, что региональные, локальные идентичности «оказались в тени гражданских, национальных, этнических идентичностей в рамках отечественных исследований» [6].

Закономерно, что в основу фундаментальных разработок новых для российской гуманитаристики направлений легли труды зарубежных исследователей в рамках анализа особенностей идентификации людей с местом их проживания. В современной литературе культурно-философской направленности заявленная область исследований во многом отталкивается от концепта «идентичность места», выведенного ученым Эдвардом Рэлфом. С точки зрения Э. Рэлфа, идентичность места формируется через три составных элемента: жизненное пространство (физическая среда); виды деятельности, ситуации и события; результаты индивидуальной или групповой деятельности, которые являются следствием опыта взаимодействия людей с конкретным местом [7]. Детально описывая роль множества видов пространственного опыта в повседневной жизни человека, ученый отмечает, что каждый такой опыт так или иначе корнями уходит в социальную структуру, культуру и историю конкретного места. Таким образом, согласно Э. Рэлфу, место – это сегмент пространства, который соотносится с человеком и воспринимается им в качестве своего продолжения [7]. Любой «населенный пункт представляет собой наглядно ограниченное, ментально, географически, коммуникативно и визуально сконструированное пространство, значит, самоотождествление с конкретным территориальным образованием как ограниченным местом обитания представляет самую очевидную форму идентичности современного человека» [5].

Итак, в основе территориальной идентичности лежат представления человека о месте, в котором он живет. Это может быть область, край, город, поселок и т. д. В российской научной традиции такие формы получили название локальных идентичностей. Следует отметить, что, несмотря на активное внедрение данного термина в научный дискурс современной культурологии,

социологии, регионалистики, урбанистики и т. д., до сих пор наблюдается некоторая неоднозначность в его смысловом наполнении. Так, в исследованиях региональной, городской, местной идентичности часто термин «локальная идентичность» используется как синоним. Об этой проблеме, в частности, пишут в своих работах такие исследователи, как Е. В. Дзякович, Р. В. Евстифеев [1, 2]. Разночтения наблюдаются и в понятийном аппарате западных и отечественных исследователей. В иностранных работах понятие «local identity» тесно связано с исследованиями в области архитектуры и дизайна, а авторы трудов, посвященных фундаментальным социально-культурным аспектам местной идентичности, отталкиваются от термина «urban identity» – городская идентичность. Как представляется, такая неоднозначность в использовании термина требует отдельной проработки, которая выходит за рамки данной статьи, но этот факт следует учитывать в дальнейшем.

Что касается самого феномена городской идентичности, можно говорить о недостаточной фундаментальной проработке данного явления, так как на сегодняшний день заявленная проблема активнее представлена в социологических исследованиях города и городских сообществ, в регионалистике, политологии, менеджменте, географии, чем в культурологии и философии. Учитывая, что феномен города, городской среды, городского пространства давно и активно разрабатывается в рамках культурологии и социальной философии, можно сделать вывод о необходимости более глубокого сосредоточения и на отдельных формах существования города и городского сообщества.

Актуальность исследования феномена городской идентичности объясняется тем, что городское пространство едино и дифференцировано одновременно. Вхождение в городское сообщество не обязательно осознается как ментальное единство, а происходит опосредованно, через социализацию в определенном внутригородском сообществе, этнической группе и т. д. В городской среде сталкиваются два разнонаправленных потока: с одной стороны, сегрегация как социокультурное обособление групп, а с другой – ассимиляция как социокультурные растворения индивидов в группах. Можно согласиться с Н. М. Мухамеджановой, утверждающей, что «город – это организм, все части которого тесно взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга: экологические проблемы и экономика, управление и культура и т. д.» [4].

В современной научной литературе, посвященной заявленному вопросу, исследования идентичности горожанина выстраиваются на основании выделения различных факторов.

Так, Дзякович Е.В. выводит следующие факторы, формирующие локальную (городскую) идентичность:

- культурно-исторические, метальные особенности локальной идентичности как основа территориального единства;
- государственное, формальное деление территории: область, край, район, город и так далее. Значимым фактором здесь также является историческое деление территории в прошлом (к примеру, волость, губерния и т. п.);

- специфика миграционных потоков на конкретной территории и особенности заселения данных земель;
- уникальность локальной (городской) социальной, культурной политики, образовательные программы (количество и качество учебных заведений, институционализация культуры, развитые СМИ);
- местный (локальный) фольклор – как в рамках этнических сообществ, так и современные формы (так называемые «городские легенды» и т.п.);
- особенности (открытость/закрытость, скорость, частота, количество идентификационных измерений городского населения). Готовность жителей вступать во взаимодействие с другими сообществами. [1].

Крупкин Л. П. строит модель локальной идентичности на основе выделения несколько других базовых элементов. К таковым автор относит:

- представления о «центральном месте». Сюда входят географические или символические пространственные координаты местоположения города;
- части города, имеющие значение для жителя (исторический и культурный центр, места отдыха и развлечений и т. д.);
- ценности города (культурное и историческое наследие, память, которой гордятся жители города);
- святыни или «Боги» – это реальные и мифологизированные герои (известные или значимые для культуры, истории люди – уроженцы данного города);
- ритуалы поддержания и укрепления идентичности на основе формирования солидарности городского сообщества (общегородские или государственные праздники, культурные мероприятия и т. д.);
- понимание своего вклада (символического или материального) в поддержание или улучшение состояния города и городского сообщества;
- знания о структуре городского сообщества: «ядро», или центральные элементы (городская элита), сегменты, реальные и символические границы, дифференциация «свой-чужой» и т. д. [3, с. 37].

Это лишь часть всего многообразия представленных в современном научном знании подходов, но даже такой обзор дает понять, что анализ городской идентичности сегодня в большинстве своем выстраивается на уровне частных, эмпирических исследований, предполагающих дифференциацию маркеров, отражающих основные аспекты формирования идентичности городского жителя. Но город – это постоянная динамика, взаимопроникновение в социокультурное пространство норм, ценностей и образов жизни различных групп. Значит, уникальный образ города в сознании его жителей обеспечивается целостностью историко-культурного развития и самобытностью всех форм экономической, политической, социальной и культурной деятельности.

Городская идентичность основывается на том, что люди связывают смыслы своего существования, существование, развитие и будущее своих детей с проживанием в этом конкретном «месте» и с этими людьми. Именно такая связь формирует из городского населения как статистической абстракции городское сообщество, объединенное идентификацией с «местом», считающее

это «место» своим. Здесь можно обратиться к работам ученого И-Фу Туана, анализирующего территориальность на основе выведения понятия «чувство места». В понимании автора, «чувством места» является некое субъективное ощущение, которое появляется вследствие жизненного опыта людей, связанного с осознанием особенностей территории своего обитания. Через данное «чувство» люди идентифицируют себя по отношению к другим, формируют ощущение своей безопасности и уверенности. В основе такого ощущения, по мнению автора, лежит знание истории места своего обитания, его символической наполненности, что, в свою очередь, составляет фундамент для созидания национального сознания [8].

На основании всего вышеизложенного, как представляется, для исследования оснований самоидентичности жителя города со своим жизненным пространством больше всего подходит трехкомпонентная структура локальной (городской) идентичности, которая включает в себя:

- 1) когнитивный компонент, формирующий «когнитивный образ» (знание об особенностях территории, ее историко-культурной специфике, понимание отличий данной территории от других);
- 2) аффективный компонент (автореферентность идентичности, переживание и ощущение территории как «своей» естественной среды обитания). Аффективный компонент лежит в основе солидарности городского сообщества и переводит когнитивную составляющую в эмоциональные переживания;
- 3) инструментальный, или поведенческий компонент (открытость, мобильность, автономность социальных групп, в зависимости от которых различается активная или пассивная территориальная идентичность). Данный компонент позволяет выделить и систематизировать инструменты использования идентичности для объединения и мотивации коллективных действий в реализации социально-политических, экономических программ.

Выделение такого рода компонентов позволяет осуществить анализ идентичности горожанина на уровне определения интегрированных в сознании городского жителя визуальных, речевых маркеров городского пространства, их символического, ментального наполнения, переживания и ощущения территории как собственного, имеющего для человека значение, «места». Следовательно, дальнейшее развитие проблематики локальной (городской) идентичности на уровне философского и культурфилософского анализа сегодня требует более пристальной фундаментальной разработки. Подтверждением данного высказывания можно считать все чаще звучащие в трудах социогуманитарной направленности идеи о влиянии локальной идентичности как процесса, связанного с обретением гражданской самоидентичности, на формирование национальной идентичности.

Список литературы

1. Дзякович, Е. В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора культурологии / Е. В. Дзякович. – М., 2011. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/lokalnye-identichnosti-v-kontekste-sotsiokulturnoi-dinamiki-rossiiskikh-regionov> (дата обращения: 11.05.2022).
2. Евстифеев, Р. В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления / Р. В. Евстифеев // Научный результат. Социология и управление. – Т. 3. – № 2. – 2017. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/319015531_ISSLEDOVANIA_LOKALNYH_IDENTICNOSTEJ_TEORETICESKIE_PODHODY_I_PERSPEKTIVNYE_NAPRAVLENIA_RESEARCH_OF_LOCAL_IDENTITIES_THEORETICAL_APPROACHES_AND_PERSPECTIVE DIRECTIONS (дата обращения: 11.05.2022).
3. Крупкин, П. Л. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа / П. Л. Крупкин, С. Д. Лебедев // Социологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 35–48.
4. Мухамеджанова, Н. М. "Социальная ткань" города в зеркале архитектуры / Н. М. Мухамеджанова // Урбанистика. – 2021. – № 4. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36510 (дата обращения: 11.05.2022).
5. Орлова, Е. В. Социокультурные основания городской идентичности (на примере города Оренбурга) / Е. В. Орлова // Манускрипт. – 2018. – № 11-2 (97). Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_2618-9690_2018_11-2_21.pdf?ysclid=l3a4jnlqh0 (дата обращения: 11.05.2022).
6. Шишигин, А. Территориальные идентичности в XXI веке: состояние и перспективы развития / А. Шишигин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (27). – С. 211. Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_1-1_54.pdf?ysclid=l3a41eq4h9 (дата обращения: 11.05.2022).
7. Relph, E. Place and placelessness / E. Relph. – London: Pion, 1976. – 156 pp.
8. Tuan, Y.-F. Space and place: Humanistic perspective / Y.-F. Tuan // Progress in geography. – 1974. – № 6 – pp. 233-246.